ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 3-й СТР.

книга — в самиздат... какой дурак будет сидеть, её перепечатывать? Пошло! Пошли два романа моих, таким образом произошёл прорыв. И «Семь дней творения» Максимова. Ну а потом я тоже в самиздат больше не давал. Вы меня спрашиваете о литературном подполье, не вообще о самиздате, не об инакомыслящих. Боюсь, что литературное подполье — нельзя сказать, что широко существует. То есть оно существует, люди пишут — но этого мы не знаем, а то, что идёт в самиздат, оно по объёму невелико. Если бы начали шире давать, может быть... У нас в России могут быть ещё очень большие неожиданные стили, у нас такие могут быть повороты, которые вас тут удивят, и я очень рад, что вот так много всё-таки для Цюриха людей, занимающихся серьёзно русским языком. Я думаю, вы не пожалаете об этом, потому что очень богатые возможности у России и очень большие возможности у русской истории ещё. И может быть мы станем свидетелями в ближайшие годы и больших литературных явлений там, вот таких же внезапных... Очень я допускаю это. И вы будете одними из первых читателей этого. И когда оно будет проходить на Запад, ещё не переведённое. Надеюсь, что жизнь за меня ответит вам богаче, чем я сейчас мог.

Какова роль Союза советских писателей в современной советской литературе?

Ну, я думаю, что вам и самим понятно, — убивающая, губительная. Это просто — смиренная рубашка, которая должна убить литературу и дать жить членам Союза писателей, лично им. Самая вредная затея, какую можно было придумать, чтоб убить литературу в СССР.

Какое влияние на сочинения советских писателей имеет предварительная цензура сама по себе? в сравнении с XIX столетием? в отношении Вашего собственного творчества?

В XIX столетии, честно говоря, какая уж там была цензура? Если Гончаров был цензором, то какая это была цензура? Ну конечно у Толстого несколько книг вышли в Европе, так не художественных же. Да и вообще в XIX веке — я в третьем томе «Архипелага» специально это сравниваю: глава о степени давлений и преследований, это сравнивать невозможно, невозможно! Я вот взял литературную энциклопедию, открыл на произвольном месте и подряд выписывал фамилии, как их преследовали. Ну обохотаться можно, что это за преследования? У нас бы только расстреливали, убивали, больше ничего, а там все они процветали. По нашим советским масштабам в XIX веке цензура, не было, это не цензура. Самоцензура, о ней замечательно написал Твардовский в поэме «За далью — даль». Вы помните, там сам вот разговаривает со своим невидимым критиком. И вот я недавно одному корреспонденту норвежскому рассказал, что и я ведь, уж кажется, меньше всего считался с цензурой, и то я должен был такие шаги делать. Например, печатая на Западе «Август», исключить главу о Ленине.

Александр Солженицын: «...Еще может много чудес показать наша литература»

Какая, по Вашему, роль литературы в человеческой жизни и жизни народа?

Вы знаете, у нас в России этот вопрос звучит совершенно особенно. Я думаю, что это вам настолько уже известно из лекций, из вашего опыта, из чтения, что мне даже не надо об этом говорить. У нас в России особым образом литература всегда стояла, заменяла другие области человеческого духа. И ней особенно прислушивались, и писатели решали общественные задачи, и чему западные писатели не привыкли (и может быть хотели, чтоб так было, но не стоит так литература). У нас роль литературы несравненно велика, но конечно при этом приходится ей принимать на себя другие функции общественные. Вот так и мне пришлось, когда я свои романы пускал в жизнь, принять функции общественного борца. Мне нужно было бы писать свои книги, а затягивает, иначе нельзя. Так особым образом литература стоит и так она ещё может и удивить нас в будущем, ещё может много чудес показать наша литература. Когда всё заката, всё задавлено, а литература может прорвать внезапно эту немоту.

Профессиональное литературное образование?

Я уже говорил, что лучше бы художественное творчество было побочным занятием. Я имел в виду конкретные наши советские условия. В советских условиях не то, что Литературный институт Союза писателей, нет, в советских условиях даже литературу-то опасно брать основным своим делом — преподавание литературы, изучение литературы, потому что на каждом шагу будешь сталкиваться с ложью, с необходимостью лгать, и что тогда делать? Я в том смысле слова сказал — «побочным занятием», что я вот стал математиком и спокоен. И хлеб мой был — математика. И так я действительно этим в лагерях выжил, потому что был математиком. А был бы я с литературным образованием, я бы погиб. Это — частные советские условия. А нужно ли вообще профессиональное образование в литературе? Думаю, что нет! Об этом Толстой очень ясно писал в своё время. Профессиональное образование для того, чтобы стать писателем? — я думаю, что нет. Нет, этому нельзя научить. Как можно готовить мастеров? Писателю можно иметь литературное образование, но оно не всегда помогает, оно иногда нагружает... Ну, в зависимости от того, какой у него талант, в какую сторону направил — некоторым нужно быть нагруженными всем богатством литературы перед те-

мой, а другим это будет мешать развивать свою собственную индивидуальность. Литературное образование — чрезвычайно нужно литературоведам, критикам просто для общего образования, тем, кто изучает историю страны, публицистам — а для художников, писателей-художников? — специальное писательское образование вообще не имеет смысла. Это вообще чушь, которую придумал Союз писателей. И вот Лев Толстой специально возражал против всяких художественных школ очень резко, высмеивал едко. Но и даже само общее литературное образование, я не уверен, насколько нужно писателю. Я раньше этого не понимал, перед войной я, продолжая физмат, поступил на литературный факультет в Москву, два курса кончил и думать кончать — война помешала. Не кончил. Так у меня нет литературного образования, и в общем думаю, что ничего особенно не потерял. Вы знаете, слишком когда много знаешь в этом направлении, когда всех уже перчитал и все эти традиции давал, это до некоторой степени лишает собственной свободы или заставляет быть бунтовщиком нарочито специально: а я вот не так буду писать, я всё переверну и буду иначе! Так иногда рождаются новаторские, но пустые направления. Лишь бы всё разметать, сказать: до сих пор не было ни литературы, ни искусства — начинается с нашей группы. Вот такая-то группа, «изм» очередной, мы будем развивать. Это тоже неправильно. Иными западными критиками было высказано мнение, что некоторые из моих сочинений, например, «Раковый корпус», по своему характеру недалеки от соцреализма. Удивляюсь этому суждению, потому что никакого соцреализма вообще на свете нет! Я считаю, что нет его и никогда не было, а просто нужно было в начале 30-х годов придумать такую словесную формулу, под которой оправдать ложь литературы, и придумали: «соцреализм это такое направление, которое описывает жизнь не просто как она есть, а угадывает то, что должно в ней быть завтра». — А откуда? — А как партия скажет. Партия говорит: будет вот так. И надо вот это «угадывать» и брать. Вот это и есть — соцреализм. Поэтому я никак не могу с соцреализмом ничего общего иметь.

Какие русские писатели XIX и XX века повлияли на Вас больше всего?

Из писателей XIX века — Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский. А из писателей XX века — Евгений Замятин. (Я не знаю, насколько он вам известен). Я очень люблю Евгения Замятина, и очень он повлиял на ме-

ня. Что я у него замечательным считаю? Я уж не говорю, что он мог написать в 20-м году «Мы». К счастью, вы, живя на Западе, легко можете эту книгу достать, прочтите! Совершенно блестящее описание социализма уже в 1920 году, но я не об этом. Замятин в двух отношениях является для меня образцом, в одном отношении совершенно недостижимым. Недостижимый образец он вот в чём: как он описывает наружность! Вы прочитайте внимательно его, любую вещь, посмотрите, как он описывает наружность. Он мгновенным, художническим глазом сравнивает с чем-то таким... это у Чехова было, но не в такой резкой степени. Замятин с каким-то предметом или с чем-то таким сравнит — строчки не занял, и уже готово, нарисовано лицо. Это шедевр! А в каком смысле я у него учился? — в синтаксисе. Вам, тем, кто слабо ещё знает русский, вам не понять у него особенного этого синтаксиса, но кто уже знает хорошо, почитайте внимательно-внимательно, посмотрите, что за синтаксис?! Какая свобода расстановки и согласования слов, какие сжатые выражения с пропуском лишних слов! Замятин — очень яркий писатель. А потом его стали преследовать, преследовать, преследовать, не благодаря ходатайствам выпустили за границу, и он здесь тихо умер, ничего больше не написав. Вообще, жизнь была трагическая. Яркий человек!

Я наверно утомил вас. Но должен вам сказать, что для меня сегодняшняя встреча необычна во многих отношениях тоже. Я раньше этого всего никому не рассказывал, но так получилось, что мы встретились, и мне очень приятно видеть людей здесь, за границей, систематически изучающих русский язык, — и я хочу увеличить ваши представления о современной русской литературе, и может быть помочь вашей охоте к чтению русских книг и изучению русского языка.

А какие у Вас есть литературные планы, не связанные с Вашей нынешней исторической работой?

Был бы я помоложе, может быть. Но сейчас у меня никакой жизни уже не хватит кончить только эту единственную книгу, которую я пишу. Так что мне даже просто ставить себе таких задач нельзя. Многие бы хотелось написать, иногда вдруг: ах, вот об этом бы написать книгу! Я всё давно от себя отрезаю, отсекаю, чтобы только заниматься главной книгой. А ещё всё время... борьба мешает... очень бурная жизнь. Нет, я мечтаю написать

только эту книгу, но я боюсь, что я её не кончу.

Какая из Ваших книг — Ваша любимая?

Потрудней вопрос... Обычно бывает так, что увлечение книгой связано с работой над ней. Когда работаешь, то захвачен ею, и она кажется самой главной, а потом, когда проходят многие годы, — отдаляется, отдаляется... и уже даже как новое читаешь. Я помню, что есть в воспоминаниях о Толстом такой случай: у них чтение домашнее по вечерам было, а он там где-то гулял... вошёл, стоит в дверях... и долго слушал, говорит: «что это вы читаете?» — «как? это — твоё!» Знаете, есть какое-то отдаление от написанных вещей, а связь живая, коренная — с тем, что пишешь сейчас.

Согласны ли Вы с тем, как критики интерпретируют Ваши произведения?

Тут надо бы разделить на критиков отечественных и западных, и на критиков истинных, то есть литературных, и критиков газетных. Газетные критики (в Советском Союзе газетные критики — это партийные чиновники, там не будем говорить)... здесь газетные критики — это, в общем, поверхностные люди. У меня не было много времени всю прочитывать, что писали, да ещё на языках, да и не всё ко мне туда приходило, но я поражаюсь иногда, то есть читал и не находил в рецензии решительно ничего. Поэтому о газетных критиках скажу: редко, очень редко бывают серьёзные, глубокие замечания. Отечественная критика, к сожалению, задавлена. Она была бы очень интересная, но настолько задавлена, если в самиздат не пустят, то и не узнаешь, ничего не напечатается. Значит, остаются серьёзные критики на Западе, которые ограничены и связаны тем, что переводов моих хороших почти нет. То есть на английский язык, кроме «Матрёниного двора» и «Крохоток», вообще нет сколько-нибудь похожего, переведённого. На английском языке меня просто вообще нет! Не понимаю, почему такие тиражи и так читают... А критики — пишут, а как же без языка можно судить? Истинный критик — это очень редкий и высокий талант. Истинный критик это тоже художник, только в другом повороте. Вот почему так глубоки бывают статьи больших художников, о больших художниках. Как например Ахматова о Пушкине — невероятно глубоко, потому что она, художник, приняла на себя роль критика. У нас был момент, когда в Советском Союзе хотели выпустить журнал такой, нелегальный, и мы уже прозу набирали, поэзию набирали, но кто же у нас критик-то будет там? — нету! — не могли найти критиков для нового журнала... Это такое должно быть глубокое чувство, а вместе с тем, почему же он не стал писателем сам, этот критик? Очевидно потому, что у него некоторые другие свойства дара. Он в другом смысле как-то анализирует, может быть большая роль анализа, обобщений... Истинную критику читать — наслаждение! просто наслаждение! Но к сожалению, мне это редко доставалось.